

А.В.Амфитеатров
Господа Обмановы
«Россия», 13 (26) января 1902

Когда Алексей Алексеевич Обманов, честь честью отпетый и помянутый, упокоился в фамильной часовенке, при родовой своей церкви, в селе Большие Головоотяпы, Обмановка тож, впечатления и толки в уезде были пестры и бесконечны. Обесхозяилось самое крупное имение в губернии, остался без предводителя дворянства огромный уезд.

На похоронах рыдали:
— Этакого благодетеля нам уже не нажить.

И — в тоже время все без исключения чувствовали:
— Фу, пожалуй, теперь и полегче станет.

Но чувствовали очень про себя, не решаясь и конфузясь высказать свои мысли вслух. Ибо — хотя Алексея Алексеевича втайне почти все не любили, но и почти все конфузились, что его не любят, и удивлялись, что не любят.

— Прекраснейший человек, а вот поди же ты... Не лежит сердце!
— Какой хозяин!
— Образцовый семьянин!
— Чады и домочадцы воспитал в страхе Божиим!
— Дворянство наше только при нём и свет увидало! Высоко знамя держал-с!
— Да-с, не то, что у других, которые! Повсюду теперь язвы-то эти пошли: купец-каналья, да мужикофилы, да оскудение.
— А у нас без язвов-с.
— Как у Христа за пазухой.

Словом, казалось бы, все причины для общественного восторга соединились в лице покойника, и все ему от всего сердца отдавали справедливость, и однако, когда могильная земля забарабанила о крышку его гроба, — на многих лицах явилось странное выражение, которое можно было толковать двусмысленно — и как:

— На кого мы, горемычные, остались.

И:
— Не встанет. Отлегло.

Двусмысленного выражения не остались чуждыми даже лица ближайших семейных покойного. Даже супруга его, благодетельствованная им, ибо взятая за красоту из гувернанток, Марина Филипповна, — когда перестала валяться по кладбищу во вдовьих обмороках и заливаться слезами, — положила последние кресты и последний поклон пред могилою с тем же загадочным взором:

— Конечно. Теперь совсем другое пойдёт.

Сын Алексея Алексеевича, новый и единственный владелец и вотчинник Больших Головоотяпов, Никандр Алексеевич Обманов, в просторечии Ника-Милуша, был смущён более всех.

Это был маленький, миловидный, застенчивый молодой человек, с робкими, красивыми движениями, с глазами, то ясно-доверчивыми, то грустно обиженными, как у серны в зверинце.

Пред отцом он благоговел и во всю жизнь свою ни разу не сказал ему: нет. Попросился он, кончая военную гимназию, в университет, — родитель посмотрел на него холодными, тяжёлыми глазами на выкате:

— Зачем? Крамол набираться?

Никандр Алексеевич сказал:

— Как вам угодно будет, папенька.

И так как папеньке было угодно пустить его по военной службе, то не только безропотно, но даже как бы с удовольствием проходил несколько лет в офицерских погонах. В полку им нахвалиться не могли, в обществе прозвали Никою-Милушею и прославили образцом порядочности; всё сулило ему блестящую карьеру. Но как скоро Алексей Алексеевич стал стареть, он приказал сыну выйти в отставку и ехать в деревню. Сын отвечал:

— Как вам угодно будет, папенька.

И — только Марина Филипповна осмелилась, было, заикнуться пред своим непреклонным повелителем:

— Но ведь он может быть в тридцать пять лет генерал!

На что и получила суровый ответ:

— Прежде всего, матушка, он дворянин и должен быть дворянином. А дворянское первое дело — на земле сидеть-с! Да-с! Хозяином быть-с! И когда я помру, желаю, чтобы сию священную традицию мог он принять от меня со знанием и честью.

И сидел Ника-Милуша в Больших Головоотяпах, Обмановке тож, безвыходно, безвыездно, — к хозяйству не приучился, ибо теории-то дворянско-земельные старик хорошо развивал, а на практике ревнив был и ни к чему сына не допускал:

— Где тебе! Молод ещё! Приглядывайся: коли есть голова на плечах, когда-нибудь и хозяин будешь.

— Слушаю, папенька. Как вам угодно, папенька.

За огромным деревенским досугом, совершенно бездельным, ничем решительно не развлечённым и неутешенным, Ника непременно впал бы в пьянство и разврат, если бы не природная опрятность природы и опять-таки не страх родительского возмездия. Ибо-каких-каких обвинений ни взводили на Алексея Алексеевича враги его, а тут пасовали:

— Воздержания учитель-с.

— Распутных не терплю! — рычал он, стуча по письменному столу кулачищем. И, внемля стучу и рыку, все горничные в доме спешили побросать в огонь безграмотные цидулки, получаемые от «очей моих света, милаво предмета», так как достаточно было барину найти такую записку в сундуке одной из домочадиц, чтобы мирная обмановская усадьба мгновенно превратилась в юдоль плача и стенаний, и преступница с изрядно-нахлёстанными щеками и с дурным расчётом, очутилась со всем своим скарбом за воротами:

— Ступай, жалуйся!

И все трепетали, и никто не жаловался.

Целомудрие Алексея Алексеевича было тем поразительнее и из ряду вон, что до него оно отнюдь не могло считаться в числе фамильных обмановских добродетелей.

Наоборот. Уезд и по сей час ещё вспоминает, как во времена оны налетел в Большие Головотяпы дедушка Алексея Алексеевича, Никандр Памфилович, — бравый майор в отставке, с громовым голосом, с страшными усищами и глазами на выкате, с зубодобрыльным кулаком, высланный из Петербурга за похищение из театрального училища юной кордебалетной феи. Первым делом этого достойного деятеля было так основательно усовершенствовать человеческую породу в своих, тогда ещё крепостных, владениях, что и до сих пор ещё в Обмановке не редкость встретить бравых пучеглазых стариков с усами, как лес дремучий, и насмешливая кличка народная всех их зовёт «майорами». Помнят и наследника майорова, красавца Алексея Никандровича. Этот был совсем не в родителя: танцовщиц не похищал, крепостных пород не усовершенствовал, а явившись в Большие Головотяпы как раз в эпоху эмансипации, оказался одним из самых деятельных и либеральных мировых посредников. Имел грустные голубые глаза, говорил мужикам «вы» и развивал уездных львиц, читая им в слух «Что делать»? Считался красным и даже чуть ли не корреспондентом в «Колоколе». Но при всех своих цивилизных добродетелях обладал непостижимою слабостью — вовлекать в амуры соседних девиц, предобродушно — и, кажется, всегда от искреннего сердца — обещая каждой из них непременно на ней жениться. Умер двоеженцем, — и не под судом только потому, что умер.

И вот, после таких предков, — вдруг Алексей Алексеевич!

Алексей Алексеевич, о котором вдова его, Марина Филипповна, — по природе весьма ревнивая, но в течение всего супружества ни однажды не имевшая повода к ревности, до сих пор слёзно причитает:

— Бонне глазом не моргнул! Горничной девки не ущипнул! Картины голые, которые от покойника папеньки в доме остались, поднимать велел и на чердак вынести.

Так выжил Алексей Алексеевич в добродетели сам и сына в добродетели выдержал.

Единственным органом печати, проникавшим в Обмановку, был «Гражданин» князя Мещерского. Хотя в юности своей и воспитанник катковского лицея, Алексей Алексеевич даже «Московских Ведомостей» не признавал:

— Я дворянин-с и дворянского чтения хочу, а от них приказным пахнет-с.

— Но ведь Катков... — пробовали возразить ему другие, столь же охранительные «красные околыши»:

— Катков умер-с.

— Но преемники...

— Какие же преемники-с? Не вижу-с. Земская ярыжка-с. А я дворянин.

И упорно держался «Гражданина». И весь дом читал «Гражданин». Читал и Ника-Милуша, хотя злые языки говорили и говорили правду, будто подговорённый мужичок с ближайшей железнодорожной станции носил ему потихоньку и «Русские Ведомости». И — будто сидит, бывало, Ника, якобы «Гражданин» изучая, — ан, под «Гражданином», то у него «Русские Ведомости». Нет папаша в комнате, он в «Русские Ведомости» вопьётся. Вошёл папаша в комнату, — он сейчас страничку перевернул и пошёл наставлять от кн. Мещерского, как надлежит драть кухаркина сына в три темпа. И получилось из такой Никиной двойной читанной бухгалтерии два невольных самообмана.

— Твердой дворянин из Ники будет! — думал отец.

На станции же о нём говорили:

— А сынок-то не в папашу вышел. Свободомыслящий! Это ничего, что он тихоня. Но смотрите! Вот достанутся ему Большие Головотяпы, он себя покажет! От всех этих дворянских папашиних затей-рацей только щепочки полетят.

И отец, и станция равно глубоко ошибались. Из всего, что было Нике темно и загадочно в жизни, всего темнее и загадочнее оставался вопрос:

— Что собственно я, Никандр Обманов, за человек, каковы суть мои намерения и убеждения?

От привычки урывками читать «Гражданин» не иначе, как вперемежку с потаёнными «Русскими Ведомостями», в голове его образовалась совершенно фантастическая сумятица. Он совершенно потерял границу между дворянским охранительством и доктринёрским либерализмом и с полной наивностью повторял иногда свирепые предики кн. Мещерского, воображая, будто цитирует защиту земских учреждений в «Русских Ведомостях», либо, наоборот, пробежав из под листа «Гражданина» передовицу московской газеты, говорил какому нибудь соседу:

— А здорово пишет в защиту всеобщего обучения грамоты князь Мещерский!

Смерть Алексея Алексеевича очень огорчила Нику. Он искренно любил отца, хотя ещё искреннее боялся. И теперь, стоя над засыпанною могилою, — с угрызениями совести сознавал, что в этот торжественный и многозначительный миг, когда отходит в землю со старым барином старое поколение, чувства его весьма дwoятся, и в уши его, как богатырю скандинавскому Фриттьофу, поют две птицы, белая и чёрная...

— Жаль папеньку! — звучал один голос.

— За то теперь вольный казак! — возражал другой.

— Кто-то нас теперь управит!

— Можешь открыто на «Русские Ведомости» подписаться, а «Гражданин» хоть ко всем чертям послать.

— Все мы им только и жили!

— Теперь mademoiselle Жюли можно и колье подарить...

— Что с Обмановкой станется?

— Словно Обмановкою одной свет сошёлся. Нет, брат, теперь ты в какие заграницы захотел, в такие и свистнул.

— Сирота ты, сирота горемычная!

— Сам себе господин!

Так бес и ангел боролись за направление чувств и мыслей нового собственника села Большие Головотяпы, Обмановка тож, и так как брал верх то один, то другой, полного же преферанса над соперником ни один не мог возыметь, то физиономия Ники несколько напомнила ту карикатурную рожицу, на которую справа взглянуть, — она смеётся, слева — плачет. Но что в конце концов слёзный ангел Ники должен будет ретироваться и оставить поле сражения за весёлым бесёнком, в этом сомневаться было уже затруднительно.